

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-543-559
EDN: NHEMUJ

Научная статья / Research article

Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность?

А.П. Кочетков , А.Ю. Мамычев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация

 apkoch@mail.ru

Аннотация. Процессы развития института государства и публично-властного управления могут вступать в противоречия. Авторами предложено рассмотреть ряд трансформационных процессов, которые получили в настоящий момент устойчивый характер и которые системно влияют на кардинальное изменение социальной роли и назначения государства и властно-управленческой деятельности. Методологическая основа исследования имеет преимущественно междисциплинарный характер, поскольку при рассмотрении цифровизации института «государство» берется за основу проблемное поле, а не дисциплинарные требования. В исследовании использовался дискурс-анализ аналитических и экспертных материалов, научных исследований, посвященных как общим вопросам цифровой трансформации публичной политики, так и отдельным проблемам цифровизации публично-властных институтов и практик. Обоснованно, что представления о формировании новой формы цифрового господства основываются на общественно-политическом мифе об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только инновационные цифровые технологии смогут обеспечить справедливость в обществе, социальное равенство, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления публичной властью. Также обоснована необходимость развития и усложнения общей концепции публичной власти и ее социотехнического назначения в цифровую эпоху. Доказано, что институт государства не только сохранится, но произойдет его усложнение, будет скорректировано его социотехническое назначение, повысится роль последнего при переходе к новому технологическому укладу.

© Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: алгоритмы, власть, государство, политический процесс, технологическая политика, цифровизация, элита

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 543–559. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-543-559>

The Institution of the State and Public Administration in the Digital Age: Disappearing Phenomenon or Reality?

Alexander P. Kochetkov , Alexey Yu. Mamychyev

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

 apkoch@mail.ru

Abstract. The processes of the development of the institution of the state and public administration face the discrepancies. The authors propose to consider a number of transformational processes that are currently stable and that systematically affect a fundamental change in the social role and purpose of the state and power management activities. The methodological basis of the research is mainly interdisciplinary in nature, since when considering the digitalization of the institute, the state takes as its basis the problem field, rather than disciplinary requirements. The study also used a discourse analysis of analytical and expert materials, scientific research devoted to both general issues of digital transformation of public policy and individual problems of digitalization of public institutions and practices. The study substantiates that the ideas about the formation of a new form of digital domination are based on the socio-political myth of the universality and objectivity of various algorithmic systems, according to which only innovative digital technologies can ensure justice in society, social equality, and eliminate various forms of discrimination and abuse of public power. In conclusion, the paper substantiates the need to develop and complicate the general concept of public authority and its sociotechnical purpose in the digital age. It is proved that the institution of the state will not only be preserved, but its complexity will occur, its sociotechnical purpose will be adjusted, and the role of the latter will increase during the transition to a new technological order.

Keywords: algorithms, government, state, political process, technological policy, digitalization, elite

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kochetkov, A.P., & Mamychyev, A.Yu. (2025). The institution of the state and public administration in the digital age: Disappearing phenomenon or reality? *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 543–559. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-543-559>

Этот организм есть развитие идеи в ее различия и их объективную действительность.

Эти различные стороны являют собой различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспристрастное необходимым образом порождает себя...

Г.В.Ф. Гегель. «Философия права»

Введение

В XXI веке цифровые технологии стали определять контуры изменения мировой политической, правовой, экономической систем и в целом международных отношений. В последние годы в области IT-технологий у России есть некоторые успехи. По данным ООН, Индекс развития электронного правительства в 2018 г. в России вырос на три позиции — с 35-го до 32-го места — и впервые вошел в группу стран с очень высоким показателем по индексу развития электронного правительства. Однако в 2024 г. индекс развития электронного правительства в России опустился на 43-е место¹.

Поскольку Россия не обладает такими финансовыми возможностями, как Китай или США, то в 2020 г. в России бюджетные расходы на НИОКР составили лишь около 519 млрд рублей (7 млрд долл. США), в 2021 г. и того меньше — 486 млрд рублей (Китай потратил в 2020 г. на эти цели 378 млрд долл.)². Однако в 2025 г. финансирование научных исследований в России будет увеличено с 1,22 трлн руб. в 2024 г. до 1,46 трлн руб., или на 20 %. Они вырастут до 0,69 % ВВП и 2 % всех расходов бюджета³.

Россия потратит на разработки в области искусственного интеллекта с 2025 до 2030 г. 145,85 млрд руб., тогда как расходы крупнейших мировых IT-корпораций Amazon, Microsoft, Alphabet и др. на разработку ИИ составили по итогам 2024 г. более 200 млрд долл. Один Илон Маск и его компании Tesla и xAI потратили в 2024 г. на ИИ около 10 млрд долл.⁴

С целью поддержания развития цифровой сферы производства в 2020 г. в России был принят закон о «налоговом маневре» [Худяков 2021], согласно

¹ Рейтинг электронного правительства ООН (EGDI). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 20.04.2025).

² Морозов М. Мир высоких технологий: Китай тратит деньги на изобретения, а Россия на что? URL: <https://svpressa.ru/world/article/297807/> (дата обращения: 20.04.2025).

³ Расходы бюджета на науку увеличат на 20 % в 2025 г. URL: <https://sovross.ru/2024/10/11/rashody-bjudzheta-na-nauku-uvlichat-na-20-v-2025-g/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ См.: Как в России потратят 145 млрд рублей на развитие технологий искусственного интеллекта. URL: https://www.cnews.ru/articles/2024-02-02_kak_v_rossii_potratyat_145_mlrld_rublej (дата обращения: 20.04.2025); В гонке за передовым ИИ техногиганты потратят в 2024 г. более \$200 млрд 02.11.2024. URL: <https://3dnews.ru/1113441/v-gonke-za-peredovim-ii-tehnogiganti-potratyat-v-2024-godu-bolee-200-milliardov> (дата обращения: 20.04.2025); В 2024 г. Илон Маск потратил около 10 миллиардов долларов на оборудование для обучения ИИ. 31.10.2024. URL: <https://www.tomshardware.com/tech-industry/artificial-intelligence/elon-musk-spent-roughly-usd10-billion-on-ai-training-hardware-in-2024> (дата обращения: 20.04.2025).

которому с 1 января 2021 г. налог на прибыль для IT-компаний снизился с 20 % до 3 %, а страховые взносы — с 14 до 7,6 %. Также был обнулен региональный налог на прибыль. Данные меры направлены на формирование благоприятных условий для деятельности IT-работников с целью повышения конкурентоспособности Российской Федерации.

В новых исторических условиях российское правительство заинтересовано в ускорении цифровизации. Однако цифровизация не только приводит к экономическому развитию, но оказывает серьезное влияние на безопасность государства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. отмечается, что «быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства»⁵. Поэтому политика информационной безопасности государства должна учитывать последствия развития процесса цифровизации.

В результате развития цифровых технологий происходит трансформация роли и социального значения государства, формируется и новая «цифровая элита», способная осуществлять системное воздействие в формате 24/7 на общественно-политическую динамику [Кочетков 2024]. При этом отсутствие действенных институтов социального контроля и развитого государственно-правового нормирования сферы «инжиниринговой инноватики» существенно *расширяет* потенциал и рост данной элитарной группы.

Эта новая социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирует информационные потоки и банки данных и может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

Генеративный ИИ, получивший в последние 30 лет масштабное распространение в общественно-политической жизнедеятельности, закладывает также специфическую траекторию трансформации публично-властной организации общества. В отличие от других систем ИИ генеративный подход ориентирован на предикативную аналитику и поведенческие прогнозы. На различных этапах своего функционирования данный ИИ предсказывает (генерирует) статистически вероятное из многообразия возможных результатов (цифрового контента — текста, рисунка, события и т.п.). По сути, данные системы работают с обширными базами данных, на основании которых создают (генерируют) предсказания того, как поступят люди (имитация, путем статистического подбора языковых, когнитивных, поведенческих, эмоциональных и других реакций человека, групп, общества в целом).

Данный принцип работы и направленность функционирования генеративных систем ИИ порождают огромную массу экономических, политических,

⁵ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 20.04.2025).

правовых, культурных и других проблем, описание которых достаточно широко представлено в современных публикациях. В рамках последних ставятся фундаментальные вопросы:

Кому принадлежат данные, которые выступают новым ключевым ресурсом цифровой экономики и драйвером финансового обогащения?

Какие именно данные используются для обучения автономных алгоритмических систем?

Какие ценностно-нормативные установки транслируют платформенные алгоритмы, обученные на специально подобранных данных?

В этом аспекте ключевыми являются решения «о том, на каких данных обучать свои модели, будут иметь самые серьезные последствия: ведь тем самым они наделяют эти модели скрытыми политическими и социальными предубеждениями, которые незаметно воздействуют на пользователей» [Маркус 2024: 26]. Обученные на специфических данных, генеративные системы ИИ могут осуществлять автономное и алгоритмическое манипулирование массой пользователей в режиме 24/7, т.е., генерируя тексты и разнообразные контенты, будут транслировать определенные ценностные установки, предвзятые взгляды и т.п., а пользователь даже не сможет опознать источник и сам процесс манипулятивного влияния.

Кроме вышеобозначенных действующих опасностей и потенциальных угроз цифровой трансформации общественных систем, которым сегодня достаточно часто уделяется внимание в монографических работах, диссертационных исследованиях и периодических изданиях, в настоящей статье предпринимается попытка обратить внимание на ряд других проблем. Речь идет о фундаментальных трансформациях института государства, государственной политики и властно-управленческого процесса.

Справедливо в этом плане отмечается, что сегодня наблюдается стремительная утрата государством своего общественного назначения и изначальной просоциальной миссии: «Длившаяся долгое время трансформация содержательных и функциональных характеристик государственных систем и институтов привели к формированию у государства своих собственных самодостаточных иерархий, целей, ценностей, интересов, зачастую не просто не соответствующих и противоречащих общественным интересам, ценностям и целям, но и имеющих ярко выраженный асоциальный характер» [Якунин 2024: 54]. Многие исследователи вообще ставят вопрос более радикально: существуют ли вообще условия и потребность воспроизводства государственно-правовых институций и традиционных властно-управленческого процесса в новой цифровой эпохе? [Хейманс 2019]. Возможно развитие цифровых систем, инжиниринговых нормативных инструментов⁶

⁶ «Инжиниринговое право» — новый феномен цифрового пространства, концепт, отражающий совокупность социотехнических норм и цифровых стандартов, формирующих алгоритмическую систему автоматизированного нормирования взаимодействия пользователей в определенной цифровой среде.

и алгоритмического управления приведет к изъятию ключевых функций у действующих политических, юридических, экономических и других традиционных институтов? [Зубофф 2025].

Конечно, в рамках одной статьи невозможно обсудить все направления кардинальных изменений публично-властной организации общества. Поэтому остановимся на тех трансформационных процессах, которые уже сегодня получили устойчивый характер и которые системно влияют на изменения социальной роли и назначения института государства и властно-управленческого процесса.

Деидеологизация и размывание ценностно-нормативных оснований государства

Довольно длительное время институт государства и публично-властное управление подвергались глобальным идеологическим и институциональным трансформациям⁷.

С одной стороны, вектор глобальной политической стандартизации, правовой унификации и социокультурной типизации, сформированный и продвигаемый после окончания Второй мировой войны, разрушал традиционные основы государства и суверенные качества национальной публично-властной организации. Прежде всего последние постепенно утрачивали свой самодостаточный статус как «верховой системы репрезентации» ценностно-смыслового единства, национально-политической целостности, общественного согласия и доверия, что «наполняло» конкретную политико-правовую организацию общества «высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного сосуществования какой-либо совместно проживающей группы людей» [Шмитт 2010: 49]. Этот статус постепенно перетекал к международным институтам, наднациональным структурам и неправительственным организациям.

С другой стороны, размывание ценностно-нормативных оснований государства и духовно-нравственных стандартов публично-властного управления посредством социокультурной типизации и массовизации существенно сужало социальное назначение государства, его статус как главного гаранта общего блага и общей морали. Так, например, дореволюционный государствовед Н.Н. Алексеев отмечал, что ключевая

⁷ В данном случае процессы глобализации рассматриваются не как объективный процесс, который был характерен для всей истории государства, т.е. сближения и взаимодействия различных политико-правовых организаций общества для решения общих целей и задач; а как идеологический процесс, который задавал общемировую ценностно-нормативную систему в интерпретации прошлого (исторические недостатки и просчеты государственного развития), настоящего (глобальные стандарты политико-правовой и социально-экономического развития) и будущего (вектор на формирование унифицированной общепланетарной организации) института государства и системы публично-властного управления.

институционально-функциональная характеристика государства выражается в способности создать «максимальное количество культурных и духовных благ, предпочтение и выбор которых предоставляется свободе всех и каждого» [Алексеев 2008: 373]. Кроме того, происходило замещение национального образа общего блага глобальным стандартом либерально-демократического развития, который стирал конкретное цивилизационное и национально-культурное содержание последнего абстрактной системой общечеловеческих смыслов и универсальных «конституционно-правовых симулякров»⁸.

Все это привело к тому, что государственная управленческая элита постепенно утрачивала национально-культурную связь и практику активного социального служения обществу. Размывание цивилизационных требований и духовно-нравственных стандартов властной деятельности, ориентация управленческой элиты на глобальный проект развития и служение абстрактным идеалам оторвали государство от «земли», изменяя его социальную природу и назначение.

Это открыло простор и возможность института государства концентрировать свою властно-управленческую деятельность на ранее чуждых этому институту направлениях (поклоняясь новым «невидимым богам»), что легитимировались служением абстрактным идеалам и целям (общечеловеческим целям, универсальным идеалам, правам человека и т.д.). Позволило государству быть частично *независимым* от социальных обязательств и духовно-культурных гарантий, накапливать ресурсы и действовать в направлениях, которые уже не находились под традиционным социально-политическим контролем общества.

Более того, разнообразные глобальные вызовы, интенсивность возникающих реальных и потенциальных техногенных, климатических, биологических (пандемии, эпидемии и проч.) и других угроз позволили существенно расширить внеправовую сферу властно-управленческой деятельности, которая также во многих случаях не находится под традиционным социально-правовым контролем и общественным мониторингом [Витченко 1982: 166].

Внеправовая деятельность государства — это достаточно комплексный феномен, который практически не проблематизируется в поле современной общественно-политической рефлексии [Соловьев 2011]. Внеправовая властно-управленческая активность не связана (не фиксируется в материальных, процессуальных, компетенционных и других нормах права)

⁸ Например, обосновывался «стратегический реванш» глобального гражданского общества [Альтерматт 2000], а также освобождение от суверенного национального интереса «не изменяет либеральным целям, но разрушает цивилизационные пути... исходя из принципов блага мирового сообщества» [Хабермас 2008: 31] и формирует новый уникальный «конституционно-правовой сосуд», в котором общественно-политическая активность больше не связана только с государством, а нормируется более общей «конституционно-правовой идентичностью», лишенной всякий «национальных пут» и «жестких государственных традиций» (Ю. Хабермас).

и не опосредована правом (хотя в некоторых случаях может быть не урегулировано правом, но при этом не противоречить действующему конституционно-правовому строю и духу национального правопорядка), имеющая как формально-юридический, так и неформальный характер. Отметим, что последняя является широким (родовым) понятием по отношению к таким формам, как «неформальная», «теневая», «неправовая» деятельность государства [Мамычев 2025]. Без учета данной деятельности описать современное государство и его властно-управленческую деятельность, а также идейно-смысловые и институционально-функциональные трансформации последних практически невозможно [Сабо 1974: 147].

Соответственно, в рамках функционирования современной властной элиты существенно расширилось пространство решений и действий, которое не попадает под общественно-политический и социально-правовой контроль, предоставляя возможность в большей степени руководствоваться *собственными* интересами и целями, определять стратегию деятельности в соответствии с внутренними корпоративными правилами и сетевыми принципами.

Эти процессы усугубляют тотальная цифровизация политических отношений и алгоритмизация управления общественными процессами. Сегодня проектирование, разработка и эксплуатация цифровых технологий, определение ценностно-нормативных и результативных характеристик последних осуществляются в так называемой «серой зоне», в которой традиционные формы и инструменты социально-нормативного контроля показывают свою слабую эффективность. Общество не имеет реальных инструментов влияния на разработку данных систем и контроля за их использованием. В итоге общество столкнулось с новой теневой формой принятия и реализации управленческих решений, системой форм и методов властного господства, распределения ресурсов, формирования структуры публичных и частных потребностей [Кочетков 2024].

В целом процесс проектирования, определение параметров и целей функционирования систем ИИ, формирование изначальной алгоритмической архитектуры, принципов и режима обучения сложных машинных алгоритмов и т.д. сегодня находится преимущественно за рамками общественного контроля и государственно-правового регулирования. Роль современных цифровых технологий и их воздействия на общественно-политические отношения и процессы масштабны, их посредством реализуются большинство настоящих интеракций в системе личность — общество — государство. Однако до сих пор не сформированы адекватные цифровой эпохе институты и регуляторы, нет реальных механизмов и инструментов контроля общества за разработкой и функционированием данных инновационных технологий и цифровых институций (цифровых платформ, сервисов, автономных экспертных систем и т.д.). И это большой вызов как для современной политики государства, так и для стабильного функционирования и воспроизводства гражданских институций.

Постгуманистический вектор развития института государства

Глобальные трансформации и цифровизация общественно-политической жизнедеятельности привели к замещению идеалов общественного блага и социальной справедливости на постгуманистические ценностные ориентации.

С одной стороны, цифровые технологии и алгоритмические системы трансформируют как самого человека, так и систему коммуникативного взаимодействия, меняя характер и направленность развития самой intersubjectивной реальности, которая все больше приобретает социотехнический характер. Более того, сами технологии становятся гибридными автономно действующими сущностями. Например, системы искусственного интеллекта представляют собой сегодня переплетения и «взаимосвязь ценностных установок людей с технологическими решениями. Фактически корректно говорить о человеко-машинном гибриде ИИ. Нейросетевая технология в силу своего технического устройства является социотехнической системой» [Чирва 2024: 209].

Такой же процесс гибридизации характерен и для трансформации социального субъекта и общественных отношений. Например, доказывается, что сегодня происходит «слияние человеческого сознания с электронной цепью. Современные информационные и коммуникативные технологии экстернизируют и в форме электроцепей удваивают человеческую нервную систему» [Брайдотти 2021: 174]. Все это ведет к появлению новых субъектов — социотехнических киборгов, последние становятся «господствующей социокультурной формой, целиком включенной в социальное производство, что влечет массу экономических и политических следствий» [Брайдотти 2021: 174].

Вместе с тем отмечается доминирование аллократических режимов в функционировании публичной и частной сферах. Здесь можно выделить три следствия «алгоритмической революции» общественно-политических отношений и процессов, влияющих на трансформацию публично-властного управления.

Первое. Присвоение машинными алгоритмами социальных данных и пользовательской активности (процесс «лайф-майнинга») становится важнейшим «материалом» для развития цифровых систем, моделей и прогнозов, что ведет к качественным изменениям в прогнозировании и моделировании ключевых общественно-политических трендов, а дальше к формированию глобальных или национальных аллократических режимов. Если ранее «алгоритмы были призваны рационализировать и ускорять различные процессы (преимущественно вычислительные и технические), в данный момент можно говорить о том, что алгоритмы оказывают воздействие на социум, формируя определенную вычислительно-информационную архитектуру. Алгоритмы не только упрощают и ускоряют, но могут выносить вердикты, предупреждать или прогнозировать» [Фурс 2022: 5].

Второе. Алгоритмы постепенно замещают экспертное сообщество и бюрократическую системы в формировании и интерпретации публичного

дискурса, определении повестки дня и направлениями развития: «права на эти дискурсы и силы оказались привилегией машин и программ, монополизирующих язык и труд... Мы больше не ищем реальности, истины, нового социального порядка, экономической справедливости и даже объективности — их скорее найдут наши программы и технологии» [Очеретяный, Погребняк 2024: 3]. Новый социо-технологический миф создает иллюзию об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только «алгоритмическая революция» сможет обеспечить справедливость в обществе, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления публичной властью. Беспристрастные и надежные машины освободят людей от господства властных элит, различных теневых структур управления и контроля, обеспечат идеальный порядок в обществе.

Третье. Инновационная цифровая гонка и алгоритмическая конкуренция по созданию более «продвинутых» и универсальных цифровых систем и технологий искусственного интеллекта (например, общего/сильного ИИ) замещает некогда доминирующие направления государственной политики в обеспечение «общего блага» и «социальной справедливости», создавая «постгуманистическую реальность», в содержании которой традиционные социальные интересы и приоритеты развития «определяются не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем, которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилami ценности» [Гринфильд 2018: 249].

Глобализация 3.0 и единое цифровое пространство?

Трансформация государственной политики и национального властно-управленческого процесса обусловлена также новым идеологическим проектом — «глобализации 2.0». В рамках «глобализации 2.0» обосновывается, что устойчиво и безопасно может функционировать только единое (глобальное) цифровое пространство. В частности, регулирование Интернета и развитие цифровых технологий «должно оставаться по своей природе глобальным»⁹. В связи с этим суверенные качества систем государственной власти должны быть существенно снижены и ограничены.

Сегодня владельцы крупнейших мировых IT-корпораций форсируют процесс установления глобального цифрового управления и алгоритмических форм господства. В условиях повсеместной и стремительной цифровизации данная проблематика является одной из приоритетных в повестке ООН. На Саммите будущего, который проходил в Нью-Йорке 22–23 сентября 2024 г., государства — члены ООН приняли Глобальный цифровой договор (ГЦД) как

⁹ «Пакт во имя Будущего», принятый Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 года. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 06.06.2025).

одно из приложений к Пакту будущего. ГЦД затрагивает вопросы глобального управления цифровым пространством, преодоления цифрового разрыва, выработки международных правил для различных платформ и социальных сетей, регулирования систем искусственного интеллекта и ряд других смежных вопросов. Так, уже сегодня проектируются глобальный Образ будущего, ценностно-нормативные основания и глобальные стандарты управления цифровым пространством (Пакт будущего ООН), которые будут положены в основание нового цифрового глобализма.

Несмотря на значимость и остроту проблематики, отметим, что сформулированные в ГЦД принципы носят предвзятый и несбалансированный характер. Документ завышает роль негосударственных акторов в управлении Интернетом, способствуя размыванию межправительственной природы ООН, акцентирует значимость прав человека в западной трактовке и не учитывает принцип государственного суверенитета. ГЦД, который уравнивает роль государств, гражданского общества и бизнеса, а также акцентирует правочеловеческий и гендерный нарратив в западной трактовке, прежде всего, усиливает глобальный Север, который лидирует в указанных областях.

Для глобального Юга приоритетным представляется акцент на цифровом суверенитете и преодолении цифрового разрыва, борьбе с цифровым неокOLONиализмом и неокOLONиализмом данных, что позволит сделать цифровое пространство подлинно инклюзивным. Однако, не желая политизировать диалог, многие страны Юга все же присоединились к Пакту, и ГЦД как его приложение, выражая таким образом солидарность с Генеральным секретарем в стремлении преодолеть системный кризис ООН, особенно учитывая, что текст не имеет обязательной силы.

Российская делегация предложила поправку к Пакту, согласно которой данный документ представляет собой вмешательство ООН в вопросы, которые относятся к внутренней юрисдикции государства. Нашу страну поддержали Беларусь, КНДР, Иран, Никарагуа, Судан и Сирия, а 15 стран воздержалось от голосования. Однако Генассамблея ООН все же приняла «Пакт во имя будущего» вместе с приложениями, включая Глобальный цифровой договор, в поддержку которого проголосовало 143 государства.

Россия не поддержала ГЦД, дистанцировавшись от консенсуса, а сам текст получил в российском обществе преимущественно негативные оценки, как на уровне официальных лиц, так и среди экспертного сообщества. Для нашей страны, которая является первопроходцем в обсуждении вопросов информационной безопасности и цифрового суверенитета, справедливая и инклюзивная система глобального управления в цифровом пространстве имеет приоритетное значение¹⁰.

¹⁰ Что не так с Глобальным цифровым договором. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/> (дата обращения: 20.04.2025).

В документе никак не затронуты проблемы «цифрового неокOLONиализма» и «неокOLONиализма данных», когда узкий круг крупных западных ИТ-компаний противодействует появлению конкурентов, ограничивает передачу технологий и создает отношения асимметричной взаимозависимости в области данных, технологий и инноваций, размывая суверенитет и технологическую независимость развивающихся стран.

Многоуровневое сотрудничество правительств, бизнеса и других заинтересованных сторон дважды упомянуто только в числе принципов, при этом никак не подчеркнута особая роль правительств как носителей суверенитета, а также не отмечены их особые компетенции и функции в сфере обеспечения безопасности.

В контексте управления Интернетом ГЦД подчеркивает, что «регулирование Интернета должно оставаться по своей природе глобальным» при участии правительств, частного сектора и гражданского общества, а также других заинтересованных сторон. Столь широкая формулировка прямо не затрагивает проблему интернационализации управления Интернетом, на чем настаивает Россия, что оставляет Западу, и в особенности США, пространство для маневра, необходимое для сохранения своей лидирующей роли в сфере управления Интернетом (при посредстве ICANN и ее дочерней структуры РТИ).

В ГЦД также подчеркивается важность борьбы с дезинформацией и распространением ложной информации, в том числе при помощи искусственного интеллекта. Своевременной видится рекомендация об обязательной маркировке контента, создаваемого искусственным интеллектом. Однако в контексте международной информационной безопасности, частью которой является отмеченная выше проблематика, было уместно упомянуть особую роль государств как субъектов международного права и легитимных гарантов безопасности, что было обозначено в документах ВВУИО 2003 и 2005 гг.¹¹

Представляется необходимым дальнейшее обсуждение проблематики цифрового сотрудничества в рамках ООН при большем учете позиций и интересов Глобального Юга. Развитие сотрудничества в рамках ООН как универсальной межправительственной организации позволит сохранить глобальный характер Интернета и выработать справедливые правила регулирования искусственного интеллекта в интересах всего мирового сообщества. Более того, сформированный Всемирный Совет Будущего (WFC) в качестве одной из своих целей ставит *активное* оказание помощи «лицам, принимающим решения, в разработке и реализации справедливой политики в будущем», формирование модельных нормативных актов, цифровых инструментов и глобальных онлайн-платформ, предназначенных для политиков и чиновников, принимающих на национальном уровне

¹¹ Что такое Глобальный цифровой договор и зачем он нужен. 27.09.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/66f663df9a794766a4bb24ed> (дата обращения: 20.04.2025).

общественно-политические решения с целью «упростить обмен существующими и *проверенными* политическими решениями для решения самых фундаментальных и неотложных проблем мира»¹².

Футурологический тренд и «новые форматы» властного господства

Стремительное развитие цифровых технологий и интеркоммуникативных инструментов позволяет глобальным технологическим инноваторам проектировать новые властные форматы организации и общественно-политической структуры (аналог новой цифровой формации), с большим оптимизмом говорить о развитии третьей (футурологической) версии цифрового глобализма («глобализация 3.0»). При этом инновационные формы социально-технологической коммуникации, согласно их аргументации, обеспечат глобальную человеческую мобильность и виртуальную сплоченность, высвободят человека от традиционных ограниченных форматов (политипической идентификации, нравственного долга, этических стандартов и т.д.). Все это приведет к разрушению традиционных обществ и государственных институтов, а также легитимирует новые формы социально-технологической интеграции, реализуемой глобальными цифровыми империями и транснациональными метавселенными.

Очевидно, что данный футурологический тренд развития ведет к разрушению ценностно-нормативных и социокультурных основ общественно-политической целостности, традиционных политических институтов и гражданских структур, формирует принципиально иную субъективность человека и его виртуальную идентичность. Как итог: виртуализированный и симулятивный коммуникативный опыт будет формировать новые социотехнические ценности и правила взаимодействия, инновационные формы цифровой активности человека, модели взаимодействия с реальными или виртуальными объектами (цифровыми контентом, цифровыми ботами и т.п.). При этом развитие противоречивых и скрытых от социального наблюдения и контроля процессов, о которых отмечалось выше, в итоге приведет к неминуемой трансформации традиционного государства и властно-управленческих институций, обусловит социальную значимость новых системообразующих элементов цифрового властного господства.

Для достижения этих целей распространяется миф об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только инновационные цифровые технологии смогут обеспечить справедливость в обществе, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления публичной властью. Беспристрастные и надежные машины освободят людей от господства властных элит, различных теневых структур управления и контроля, обеспечат идеальный порядок в обществе. Эта «*цифровая мифологизация*» выступает легитимирующей основой для формирования устойчивого

¹² «Пакт во имя Будущего», принятый Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 года. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 06.06.2025).

представления у обычного гражданина об экзистенциальной необходимости данных роботизированных технологий и алгоритмических систем, формирует социальное доверие к ним. В реальности это маскирует тот факт, что цифровые технологии и алгоритмы обучаются на конкретном социокультурном материале, «впитывая» все предрассудки, когнитивные модели, поведенческие паттерны или получают неполную или искаженную информацию. Футурологический проект «глобализация 3.0» ориентирован на формирование так называемых «метаформ» виртуальной социализации, интеграции и мобилизации пользователей посредством развития технологий метавселенной, а также интерактивных и симулятивных инструментов участия в общественно-политической, социально-экономической и иной деятельности.

Заключение

Обозначенные выше основные векторы цифровой трансформации государства и властно-управленческого процесса лишь схематично очерчивают кардинальные изменения в современной общественно-политической жизнедеятельности. Тем не менее они высвечивают действительно важное проблемное поле. Реально ли идет необратимый процесс изъятия цифровыми технологиями и алгоритмическими системами базовых функций традиционных общественно-политических институтов? Говорят ли данные устойчивые тенденции об утрате государством и политической элитой своего значения и социальных функций в новой цифровой эпохе? Ведет ли цифровая конкуренция и «технологическая гонка» к новой «алгоритмической революции» (по аналогии с «неолитической революцией», сформировавшей предпосылки для возникновения и развития политических организаций), которая порождает новые формы властной организации, господства, структуризации? Кто будет новым субъектом и объектом этой социотехнической реальности?

С нашей точки зрения, принципиально важно направить наши совместные усилия, работу профессионального и экспертного сообщества на качественную адаптацию традиционных общественно-политических институтов к меняющейся социотехнической реальности. Обращаясь к историческому опыту, можно отметить, что периоды кардинальных изменений всегда приводили к усложнению социальной структуры общества, к развитию новых властных функций и структур, адаптации инноваций к традиционному укладу общества (любая традиция когда-то зародилась как инновация [Чистов 1986]). Последнее обуславливает необходимость развития и усложнения общей концепции публичной власти и ее *социотехнического назначения* в цифровую эпоху. Полагаем, что институт государства не только сохранится, но произойдет его усложнение, скорректируется его назначение и повысится его социотехническая роль при переходе на новый технологический уклад.

При этом в рамках технологической политики государства важно не допустить реализации перспективы превращения человечества в управляемое каким-то «нововластным субъектом» автоматизированное сообщество.

Необходимы укрепление и развитие цифровых демократических институтов и инструментов их функционирования в новой социотехнической реальности, сохранение цивилизационных оснований общества, разработка и внедрение технологических инноваций с учетом социокультурных стандартов, развитие смешанных (гибридных) режимов управления общественными процессами, позволяющих действовать совместно человеку и алгоритмам, усиливая позитивный потенциал и компенсируя недостатки друг друга. Все это несомненно приведет и к формированию новой цифровой культуры и новых инструментов социотехнического контроля, реализуемого в совместном режиме социальных институций и алгоритмических систем.

При этом, если взаимодействие людей и власти при цифровом государственном управлении будет построено на максимальной прозрачности, уважении к культурным и социальным различиям, информационные системы превратятся в децентрализованные объекты. Доступ к ним будет обеспечен участием многих в процессах распространения сведений, а поведение пользователей станет реализацией норм цифровой грамотности. В этом случае граждане смогут повлиять на системы цифрового управления социальными процессами, будут оказывать прямое и косвенное давление на практики правовой и этической регуляции цифрового пространства.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 18.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. Москва : Аграф, 1998.
- Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. Москва, 2000.
- Брайдотти Р. Постчеловек. Москва : Издательство Института Гайдара, 2021.
- Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982.
- Гринфилд А. Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС 2018.
- Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? Москва : Издательство Института Гайдара, 2025.
- Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. Т. 33. № 4. С. 135–145. <http://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10> EDN: CQFELT
- Мамычев А.Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации : монография. Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2025.
- Маркус Г. Большой обман больших языковых моделей. Новый подход к ИИ и регулированию технологических гигантов. Ереван : Fortis Press, 2024.
- Очеретяный К., Погребняк А. После алгоритмов. От социальных утопий к фантазму уюта // Логос. 2024. Т. 34. № 6. С. 1–8. <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-1-7> EDN: AHDMFC
- Сабо И. Основы теории права. М., 1974.

- Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти // *Полис. Политические исследования*. 2011. Т. 20. № 5. С. 70–98. EDN: OHRWPI
- Фурс С.П. Анализируя новый социальный феномен — аллократия // *Культура и безопасность*. 2022. № 1. С. 5–9. <http://doi.org/10.25257/KB.2022.1.5-9> EDN: BMSFUF
- Хабермас Ю. Расколатый запад. М., 2008.
- Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: какие силы управляют миром — и как заставить их работать на нас. Москва : Альпина Паблишер, 2019.
- Худяков П.А. Совершенствование правовой модели налогообложения при реструктуризации бизнеса ИТ-компаний // *Юридическая наука*. 2021. № 12. С. 49–55. EDN: GFHKGS
- Чирва Д. Человеческое в человеко-машинном гибриде искусственного интеллекта // *Логос*. 2024. Т. 34. № 6. С. 203–216. <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-203-214> EDN: LYPEKA
- Чистов К.В. Народные традиции и фольклор : очерки теории. Ленинград : Наука, 1986. EDN: YVOOOL
- Шмитт К. Государство и политическая форма. Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. EDN: QRNQGL
- Якунин В.И., Володенков С.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В. Государственная политика как объект современных научных исследований // *Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки*. 2024. № 6. С. 50–94. <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94> EDN: LJMALN

References

- Alekseev, N.N. (1998). *The Russian people and the state*. Moscow: Agraf. (In Russian).
- Altermatt, U. (2000). *Ethnonationalism in Europe*. Moscow. (In Russian).
- Braidotti, R. (2021). *Posthuman*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
- Chirva, D. (2024). The human in a human-machine hybrid of artificial intelligence. *Logos*, 34(6), 203–216. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-203-214> EDN: LYPEKA
- Chistov, K.V. (1986). *Folk traditions and folklore. Essays on theory*. Leningrad: Nauka. (In Russian). EDN: YVOOOL
- Furs, S.P. (2022). Analyzing a new social phenomenon — algocracy. *Culture and security*, 1, 5–9. (In Russian). <http://doi.org/10.25257/KB.2022.1.5-9> EDN: BMSFUF
- Greenfield, A. (2018). *Radical technologies. The device of everyday life*. Moscow: Delo Publishing house. (In Russian).
- Habermas, J. (2008). *The Split West*. Moscow. (In Russian).
- Heymans, J., & Timms, G. (2019). *The New Power: what forces control the world — and how to make them work for us*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Khudyakov, P.A. (2021). Improving the legal model of taxation in business restructuring of IT companies. *Legal Science*, 12, 49–55. (In Russian). EDN: GFHKGS
- Kochetkov, A.P., & Mamychyev, A.Yu. (2024). The digital elite: Formation and development trends. *Polis. Political Studies*, 33(4), 135–145. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10> EDN: CQFELT
- Mamychyev, A.Yu. (2025). *State power in the socio-cultural organization of modern society: Theoretical and methodological aspects of political and legal transformation*. Moscow: RIOR: INFRA-M. (In Russian).
- Markus, G. (2024). *The big deception of big language models. A new approach to AI and regulation of technology giants*. Yerevan: Fortis Press. (In Russian).
- Ocheretyaniy, K., & Pogrebnyak, A. (2024). After algorithms. From social utopias to the fantasy of comfort. *Logos*, 34(6), 1–8. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-1-7> EDN: AHDMFC
- Sabo, I. (1974). *Fundamentals of the theory of law*. Moscow. (In Russian).

- Schmitt, K. (2010). *The state and the political form*. Moscow: HSE Publishing House (In Russian). EDN: QRNQGL
- Solovyov, A.I. (2011). Latent structures of government or the play of shadows on the face of power. *Polis. Political studies*, 20(5), 70–98. (In Russian). EDN: OHRWPI
- Vitchenko, A.M. (1982). *Theoretical problems of state power research*. Saratov. (In Russian).
- Yakunin, V.I., Volodenkov, S.V., Bagdasaryan, V.E., & Vilisov, M.V. (2024). State policy as an object of modern scientific research. *Bulletin of the Moscow State University. Series 12. Political sciences*, 6, 50–94. (In Russian). <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94> EDN: LJMALN
- Zuboff, S. (2025). *Supervisory capitalism or democracy?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).

Сведения об авторах:

Кочетков Александр Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (e-mail: apkoch@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4609-0526)

Мамычев Алексей Юрьевич — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: mamychev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1325-7967)

About the authors:

Alexander P. Kochetkov — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: apkoch@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4609-0526)

Alexey Yu. Mamychev — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Russian Politics, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mamychev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1325-7967)